

Р.В. Фурцев

Развитие политических отношений между Миланом и империей в период правления Фридриха III

В статье рассматривается комплекс проблем в политических взаимоотношениях между Миланом и Священной Римской империей во второй половине XV века. Автор раскрывает основные цели и задачи сторон и показывает способы их достижения. Особое внимание уделено истории вопроса и анализу политико-правового положения Милана и внешнеполитических факторов.

Ключевые слова: Италия; политика; империя; Милан; Сфорца; Фридрих III.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Вторая половина XV века стала важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В эту эпоху изменяются границы, складываются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Благодаря новой династии Сфорца политический вес Милана значительно возрос, но ее приход к власти не был безупречен с юридической точки зрения, что повлекло за собой шлейф нерешенных проблем. Ключевым являлся вопрос взаимоотношений со Священной Римской империей, леном которой он формально оставался.

Основы многосторонних отношений между империей и династией Сфорца были заложены еще в 1395 году, когда Милан получил статус герцогства и таким образом был превращен в имперское княжество, что автоматически означало ослабление власти немецкого монарха в этой части Италии. Эти обстоятельства оказывали влияние на всю последующую эпоху. Новые миланские герцоги из рода Висконти юридическими, экономическими и военными мероприятиями сумели создать себе фактически самостоятельное государство с немалым политическим весом. После 1395 года для правителей Милана первоочередными стали задачи избавления от остатков формального верховенства германских королей и полноправного вступления в круг европейских держав, что, казалось, было лишь вопросом времени и благоприятной политической конъюнктуры. Недаром курфюрсты низложили короля Вацлава, обвинив его в отделении Милана от империи, и избрали нового короля, который и должен был аннулировать эдикт 1395 года. Однако практическая невозможность отмены эдикта позволила герцогу Джангалеаццо Висконти

в итоге занять ключевую позицию во всей Италии и даже задуматься о титуле короля Италии. Но когда в 1438 году к управлению империей пришла сильная авторитетная династия Габсбургов, а в Милане, напротив, со смертью в 1447 году Филиппо, последнего потомка Висконти по мужской линии, наступил угрожающий вакуум власти, то положение радикально изменилось, и Милан был вынужден перейти к обороне. Ведь ленно-правовая принадлежность герцогства империи ставила любое урегулирование ситуации в Милане в зависимость от решения или как минимум согласия германского монарха, особенно с учетом все возрасставшего числа претендентов на ставший вакантным титул.

Воспользовавшись благоприятным моментом, претензии на власть в герцогстве стали выдвигать многие. Во-первых, следует указать на притязания неаполитанского короля Альфонса I из Арагонской династии, ссылавшегося на завещание Филиппо Висконти. При этом утверждение неаполитанца в Милане было бы, пожалуй, самым смелым и наверняка наилучшим решением в тогдашних итальянских условиях, но эта идея, естественно, не нашла поддержки у других ведущих игроков итальянской политической сцены. Во-вторых, сами миланцы требовали восстановления коммунальных свобод, т. е. права на республиканское правление в городе — предложение, которое император Фридрих III Габсбург, желавший извлечь из этого финансовую выгоду, не отвергал напрямую. Но ввиду размеров и стратегического положения герцогства, а также конкуренции со стороны других североитальянских городов, прежде всего Венеции, оно вряд ли было реализуемым на долгий срок. В-третьих, стоит обратить внимание на серьезные династические притязания на наследство Висконти. С одной стороны, Франция выводила из брака дочери Джангалеаццо с герцогом Орлеанским наследственные права, о которых король Карл VII тут же заявил в ситуации 1447 года, а с другой — требования, звучавшие из уст кондотьера Франческо Сфорцы, который был женат на дочери последнего герцога из рода Висконти. Однако очевидно, что кайзер вследствие ленного суверенитета империи не мог согласиться с подобными планами, поэтому их осуществления можно было добиться лишь военным путем. Но у Франции ввиду еще длившейся Столетней войны с Англией и напряженных отношений с Неаполем просто не было сил и средств, чтобы одновременно проводить силовую операцию и в Милане, чем незамедлительно и воспользовался Сфорца. В конечном счете военные успехи кондотьера всецело объяснялись слабостью остальных соперников и их вовлеченностью в разные конфликты. Наконец, следует упомянуть о проекте Фридриха III по возвращению ставшего вакантным имперского княжества под полную юрисдикцию империи. При этом универсалистские идеи Средневековья о сильной непосредственной власти кайзера в Италии перемешивались с империалистическими тенденциями Раннего Нового времени.

В итоге вопрос о преемстве власти в Милане был урегулирован не на основе принципов права, здравого смысла либо определенной политической концепции, а с помощью военной силы — когда Франческо Сфорца подошел со своей армией к стенам города и со свойственным ему прагматизмом решил ситуацию в свою пользу. Тем не менее принципиальная проблема —

как совместить внушительную военно-политическую силу с нелегитимным правовым статусом — оставалась и в различных формах определяла всю дальнейшую историю династии Сфорца. Франческо прекрасно осознавал ущербность собственного положения с юридической точки зрения, поэтому он сделал ставку на развертывание военной мощи, которая должна была служить ширмой отсутствующей легитимности. А борьба за главенство в Италии, как и во времена Висконти, сопровождалась упорным стремлением войти на равных в общество ведущих европейских держав.

Тот факт, что тогдашняя итальянская историография практически не затрагивает роль кайзера в этих событиях, является ярким выражением того, насколько глубоко различалось правосознание немцев и итальянцев. Габсбурги же в течение трех поколений неизменно сталкивались с проблемой, как отеснить династию Сфорца от управления Миланом и каким образом превратить бывшие имперские земли Ломбардии в домен Австрийского дома. При Фридрихе III в центре внимания находились юридические аспекты и аргументы, Максимилиан I использовал главным образом политические возможности империи, а в правление Карла V на повестку дня встала необходимость военной оккупации этих территорий. Причем стоит сказать, что и французские короли Карл VII, Людовик XII и Франциск I никогда не признавали представителей династии Сфорца в качестве законных правителей и на протяжении десятилетий осаждали Габсбургов настойчивыми просьбами о передаче им в лен в качестве легитимных наследников Висконти Миланского герцогства. В этих обстоятельствах становится совершенно очевидно, что достигнутая с 1395 года политическая самостоятельность Милана снова оказалась под угрозой после угасания рода Висконти. А их преемники, Сфорца, столкнулись уже с тем положением дел, при котором речь более не шла исключительно о владении герцогством: проблема приобрела поистине общеевропейское звучание.

Отношения Милана с империей в царствование Фридриха III, как кажется на первый взгляд, характеризовались путаницей юридических понятий, военной слабостью империи, финансовыми расчетами и политическими маневрами. По мнению итальянского медиевиста К. Паганини, финансовые требования, которые предъявлял Фридрих III Франческо и Галеаццо Марии Сфорца, свидетельствовали о том, что в тот период для империи решающую роль в этом деле играла только материальная выгода, и признание действующей власти в Милане рассматривалось только как чисто коммерческая сделка [4: р. 24]. Но если мы внимательно проанализируем политику всех Габсбургов, начиная с Фридриха III и заканчивая Карлом V, в отношении династии Сфорца в 1447–1535 годы, то мы увидим очевидную тенденцию притягивания Милана к империи и соответственно к Габсбургскому дому под предлогом неопределенности в правах наследования. Следовательно, хотя для имперской власти возможность урегулирования спора о правопреемстве в герцогстве и открывало финансовые перспективы, но все же более важной для Габсбургов была юридическая сторона дела. Они изначально считали себя законными претендентами с наибольшими правами на наследство Висконти, так что фактическая реализация этих прав зависела исключительно

от соотношения сил и политической обстановки. Эта тактика проявилась уже сразу после смерти Филиппо, когда в сентябре 1447 года Фридрих III отправил посольство в Милан, дабы принять от горожан клятву верности империи [1: № 2341]. Кайзер при этом исходил из того, что герцогство перешло в собственность империи как выморочный лен, поэтому его уполномоченные потребовали привести правоотношения с империей в прежнее состояние до 1395 года [5: s. 186], что наверняка означало бы ликвидацию статуса герцогства и возвращение Милана под прямую имперскую власть, осуществляемую посредством назначенного германским монархом наместника. Делегаты горожан, в свою очередь, заявили послам о готовности миланцев принять имперского наместника и выплачивать ежегодную дань в 50 тыс. гульденов, но при условии сохранения сенатской, т. е. республиканской формы правления. Однако послы Габсбурга, ссылаясь на недостаточность собственных полномочий, не приняли данного предложения. А после того как Фридрих III не оказал помощи осажденному войсками Сфорцы Милану, город в итоге покорился кондотьеру, и Франческо принял герцогские регалии из рук представителей городского совета. Но Сфорца считал себя герцогом не по милости кайзера или народа, а в силу собственных заслуг и личной воинской доблести. Он вступил в город как защитник и спаситель свободы Милана, не испрашивая разрешения у императора и не присягая ему на верность. Тем не менее Франческо никогда не оспаривал формальную принадлежность герцогства империи и с удовольствием принял бы инвеституру из рук кайзера, но при этом он категорически отказывался уплачивать Габсбургу требуемые 50 тыс. гульденов в год и нести ленные повинности.

Причем в этом деле для Фридриха III играл существенную роль скорее не финансовый, а прежде всего правовой аспект. В своем послании к папе он заявил, что не позволит, чтобы от него отделялись пустыми словами, и что не собирается отправляться в Милан для получения ломбардской короны, так как город «в открытом мятеже против империи незаконно назначил себе правителя». В то время как Франческо Сфорца полагал, что «от герцогства, приобретенного военной силой, нельзя было ничего никому уступать» [5: s. 128].

Таким образом, мнения сторон были диаметрально противоположными. При этом в рамках имперского права обе позиции были спорны и проблематичны. Ведь очевидно, что обе стороны стремились мнимыми аргументами и софизмами устранить существующее правовое положение. Разве было оправданным поведение Сфорцы, когда он, заявляя о своем желании принять от кайзера инвеституру и о согласии с тезисом верховенства империи, одновременно утверждал, что отказывается исполнять любые повинности? И это при том, что в Германии было обычной практикой разово уплачивать значительные суммы, называемые *Lehensware* (ленный товар), при поступлении имперского лена в распоряжение новой династии. Так было, к примеру, в случае с Гогенцоллернами в Бранденбурге в 1412 году, с Веттинами в Саксонии в 1423 году, равно как и при инвестировании герцога Савойского Женевским графством в 1422 году. Если вспомнить к тому же, что Максимилиан I в 1504 году потребовал от французского короля Людовика XII 120 тыс. гульденов

за миланскую инвестицию, то единовременная выплата 50 тыс. гульденов в 1447 году явно не казалась слишком высокой [3: s. 164]. В конце концов отказ Франческо нести какие-либо ленные повинности и его чисто вербальное признание верховенства империи было выражением того факта, что миланский герцог в реальности чувствовал себя полностью независимым от империи.

Но, с другой стороны, так же очевидно, что регулярные платежи в сумме 50 тыс. гульденов, которые постоянно требовал от Сфорцы Фридрих III, никоим образом не могли юридически являться *Lehensware*. Здесь речь идет скорее о выплатах ежегодной дани на постоянной основе, что, по сути, никак не вяжется с вассально-ленными отношениями. Такие требования обычно выдвигались лицам, находившимся в личной зависимости от господина, либо покоренному населению, но уж никак не имперским князьям — даже с учетом того, что Сфорца был явным узурпатором. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что кайзер рассматривал Милан скорее не как имперский лен, а как подчиненную непосредственно ему коронную территорию, с которой он был вправе истребовать любые повинности, что походило бы на реставрацию порядков до инвестиции 1395 года.

Принципиальный характер обоюдных претензий и взаимный отказ вступать в переговоры по спорным вопросам указывают на непримиримость позиций и целевые установки, которые могли быть реализованы лишь полной победой одной из сторон. Но император был слишком умен и хитер, чтобы доводить дело до вооруженной конфронтации. Тем не менее Габсбург продолжал дипломатическими и политико-юридическими мерами держать под постоянной угрозой власть Сфорцы в Милане, всячески давая понять, что он не признает новую династию миланских правителей. Так, в 1452 году Фридрих III заключил союз с неаполитанским королем Альфонсом I, пообещавшим главе империи помощь в завоевании Милана [1: № 2827]. Кайзер также щедро жаловал дворянские титулы и земли в миланском контадо [1: № 2687, 2846], раздавал привилегии и легитимации местной знати [1: № 3385, 3458, 8182]. И, наконец, неоднократно инвестициями маркиграфов Мантуи и Монферрата, а также герцогов Савойских [1: № 1918, 1955] он недвусмысленно напоминал Франческо о его нелегитимном статусе, таким образом заявлял о правах империи в Милане, тем самым имплицитно оспаривая власть Сфорцы. Однако Габсбург не пошел на крайние меры: не стал подвергать герцога опале и объявлять ему имперскую войну. Кроме того, он проигнорировал настоятельные просьбы своего кузена, эрцгерцога Сигизмунда Тирольского, о передаче тому в лен Миланского герцогства [1: № 2309, 7123]. И только спустя два года после смерти первого Сфорцы, в 1468 году, кайзер официально объявил о лишении сына и преемника Франческо, герцога Галеаццо Мария, имперских ленов [6: s. 138]. В тот момент казалось, что вот-вот близилась развязка многолетнего спора. Однако и на этот раз Фридрих III, стремясь устранить новоявленную династию с политической сцены, не отважился назначить нового герцога, а предпочел оставить ситуацию в подвешенном состоянии, вероятно, сохраняя шансы на возможное примирение.

Такая нерешительность и даже деликатность в отношении семейства Сфорца была характерной чертой фирменного стиля Фридриха III, который

уничтожал своих противников только тогда, когда был полностью уверен в их безвредности. Поэтому реальная причина подобного поведения германского монарха объяснялась военной мощью миланских герцогов, их немалыми политическими успехами и авторитетом на международной арене. Так, венгерские Корвины, заклятые враги Габсбургов, естественно, стали ближайшими союзниками Милана, а король Маттеуш Корвин даже нанес в 1474 году официальный визит герцогу Галеаццо Мария [2: № 2, 3]. В самой Италии позиции миланских правителей были сильны как никогда. После ряда побед Франческо над венецианцами и обеспечения «итальянского политического равновесия» в результате инициированного им Лодийского мира 1454 года герцог фактически стал третейским судьей во внутриитальянских конфликтах. Дав решительный отпор попыткам Флоренции вернуть к власти в Неаполе французскую династию Анжу и активно поддержав Арагонский дом, Сфорца снова продемонстрировал свое политическое преимущество и косвенно даже оказал ценную услугу империи. Ведь тем самым перспективы анжуйцев на занятие неаполитанского трона становились ничтожными, что, в свою очередь, делало маловероятным военное вмешательство Франции в Италию.

Однако в итоге непреклонность кайзера все-таки заставила Франческо Сфорцу пойти на сближение с Францией и заключить с ней военно-политический альянс, тем более что герцог добился от Людовика XI передачи Милану Генуи и Савоны. Ввиду блестящих внешнеполитических позиций Сфорцы Фридрих III не мог представлять для него серьезную угрозу. Но пока Франческо брал на себя функцию по удержанию французов от вмешательства в итальянские дела, подобный статус-кво удовлетворял Габсбурга, а время и без того работало на империю.

При Галеаццо Мария ситуация изменилась, поскольку лишение его Фридрихом III имперских ленов в 1468 году вынудило второго герцога Сфорцу предпринимать активные действия и пойти на более тесный союз с Францией, дабы с французской помощью укрепить собственное положение в Северной Италии и успешно противостоять притязаниям главы империи. В основе помолвки его трехлетней дочери Бьянки Марии с юным герцогом Филибертом Савойским лежала идея раздела Савойи между Миланом и Францией. В беседах же с кардиналом Риарио, родственником папы Сикста IV, Галеаццо Мария, чувствуя поддержку Людовика XI, выражал даже желание получить из рук понтифика титул короля Ломбардии. И хотя потом он на короткое время изменил союзническим отношениям с Францией, заключив пакт с Бургундией — в тот период, когда вражда бургундского герцога Карла Смелого с Фридрихом III достигла своего апогея, — но после битвы при Муртене второй Сфорца вернулся к союзу с Францией, верно соблюдая его вплоть до своей гибели.

Однако, несмотря на свою интенсивную профранцузскую политику, Галеаццо Мария в то же время неустанно старался добиться от кайзера реституции имперских ленов. Активную роль в этом деле играл миланский канцлер Панигарола, пускавший в ход все свои дипломатические дарования и изобретательность. Именно ему принадлежит авторство необычных, порой весьма странных идей, с помощью которых он надеялся решить эту задачу: канцлер то высказывал

мысли о возможности использования фальшивых грамот и привилегий [2: № 11], то вынашивал планы женитьбы сына герцога на дочери императора [2: № 19], то, наконец, предлагал поддержать Габсбурга в его борьбе против швейцарцев [2: № 22]. Но поскольку Галеаццо Мария, как и его отец, был твердо убежден в том, что он является герцогом «исключительно по воле Божьей и с согласия всех народов и правителей Италии» и не собирался отказываться от «своего имени, достоинства и репутации» [7: р. 258], о чем он неоднократно ставил в известность Фридриха III, то миланский вопрос для империи за 12 лет правления второго Сфорцы ни на йоту не сдвинулся с мертвой точки и фактически повис в воздухе.

Убийство герцога в конце 1476 года, наступивший одновременно кризис в отношениях Габсбурга с Венгрией и внутренние распри в Милане по поводу престолонаследия так и не позволили урегулировать миланскую проблему вплоть до конца правления Фридриха III. После почти 50-летней конфронтации мнения сторон не изменились. Но политическая обстановка в Европе и Италии была уже не той, как в 1447–1450 годы. Многочисленные тщетные попытки Франческо и Галеаццо Мария узаконить собственное положение в рамках империи показали, что достичь полного суверенитета миланского государства в тех условиях было невозможно. Политическое сближение династии Сфорца с Францией дало французским королям власть и влияние в Милане, а также реальную возможность претендовать на герцогство. Самим же герцогам это сотрудничество в итоге не принесло ничего плодотворного, более того, во Франции никогда не забывали о притязаниях Орлеанского дома на наследство Висконти. С другой стороны, исходя из правовых устоев той эпохи, Сфорца не могли в одностороннем порядке игнорировать юридические претензии империи. Наконец, покушение 1476 года наглядно продемонстрировало, что даже внутри Милана власть династии не была бесспорна. А так как после гибели Галеаццо Мария миланское правительство постоянно вынуждено было лавировать между Францией и империей, растрачивая силы к тому же и на поддержание политической стабильности внутри герцогства, то начиная с 80-х годов XV века о военном решении вопроса о государственном суверенитете не могло более идти речи. Даже от бывшего лидерства Милана среди итальянских государств не осталось и следа. Собственно говоря, после 1476 года на повестку дня встал уже вопрос о самом выживании Милана как самостоятельного герцогства.

При более детальном рассмотрении становится очевидным, что проблема взаимоотношений Милана и империи осталась неразрешенной в основном по двум причинам. С одной стороны, у Милана просто не хватило сил, чтобы сбросить с себя правовую зависимость от империи и стать суверенным государством. А с другой — в тех политических условиях, которые сложились в Италии и которые характеризовались, в частности, системой сдержек и противовесов, Милан не мог обрести полную свободу, потому что это было невыгодно другим государствам полуострова. Здесь можно упомянуть сложные отношения Милана с Венецией и Генуей, что имело не только локальное значение, но и сказывалось на ситуации во всей Италии. Кроме того, особые

связи, установившиеся между папством и империей, а также перманентное стремление Арагонской династии в Неаполе играть доминирующую роль на всем полуострове не позволили бы в тех политических реалиях создать мощное независимое Миланское государство, которое могло бы занять лидирующие позиции в Италии и подчинить своей власти другие итальянские государства. В этом отношении попытка династии Сфорца добиться самостоятельности Милана с помощью Габсбургов или Валуа не только таила в себе противоречие, но в итальянских условиях вообще была совершенно преждевременной и бесполезной. Не случайно путь Италии к образованию собственного государства был дольше, чем у других европейских народов, и не случайно отношения между обществом и государством и поныне складываются в этой стране весьма проблематично — именно потому, что из-за универсальных связей Италии там слишком поздно сформировалось единое государство.

Литература / References

1. *Chmel J.* Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Herzoge von Mailand von 1452 bis 1513 // Notizenblatt-Beilage zum Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. 6 Jg. Stuttgart: Niemeyer, 1856. 653 s.
2. *Chmel J.* Regesta chronologico-diplomatica Friderici III. Berlin: Fritsch, 1838. 425 s.
3. *Goez W.* Der Leihzwang. München: Bohlau, 1962. 179 s.
4. *Paganini C.* Divagazioni sulla documentazione fra Milano e l'impero per l'investiture ducale. Squarcid, Archivio Sforzesco. Milano: Laterza, 1981. 215 p.
5. *Piccolomini E. S.* Die Geschichte Kaiser Friedrichs III. T. 1. Köln: Beck, 1897. 305 s.
6. *Schelle K.* Die Sforza. Wien: Bohlau, 1980. 224 s.
7. *Visconti A.* Storia di Milano. T.7. Milano: Ceschina, 1956. 371 p.

R.V. Furtsev

Development of Political Relations between Milan and the Empire during Period of the Reign of Frederick III

The article considers the complex of problems in the political relationships between Milan and the Holy Roman Empire in the second half of the XV century. The author reveals the main goals and objectives of the parties, and shows the ways to achieve them. Particular attention is paid to the history of the problem and analysis of the political and legal status of Milan and external factors.

Keywords: Italy; politics; Empire; Milan; Sforza; Frederick III.